

Владимир Одоевский

Сказки дедушки Иринея

Владимир Одоевский
Сказки дедушки Иринея

«Public Domain»

1841

Одоевский В. Ф.

Сказки дедушки Иринея / В. Ф. Одоевский — «Public Domain», 1841

«Посмотрите, посмотрите, мои друзья, какой злой извозчик, как он бьёт лошадку!.. В самом деле, она бежит очень плохо... Отчего ж это? Ах, бедный Гнедко, да он хромает...— Извозчик, извозчик! Как не стыдно: ведь ты совсем испортишь свою лошадь; ты её до смерти убьёшь...— Что нужды, — отвечает извозчик. — Уж или мне, или ей умереть! Нынче праздник...»

© Одоевский В. Ф., 1841

© Public Domain, 1841

Содержание

Бедный Гнедко	5
Городок в табакерке	7
Житель Афонской горы	11
Мороз Иванович	12
О четырёх глухих	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Одоевский

Сказки дедушки Иринея

Бедный Гнедко

Посмотрите, посмотрите, мои друзья, какой злой извозчик, как он бьёт лошадку!.. В самом деле, она бежит очень плохо... Отчего ж это? Ах, бедный Гнедко, да он хромает...

– Извозчик, извозчик! Как не стыдно: ведь ты совсем испортишь свою лошадь; ты её до смерти убьёшь...

– Что нужды, – отвечает извозчик. – Уж или мне, или ей умереть! Нынче праздник.

– То-то и есть, что праздник, любезный: ты подгулял да и не посмотрел, что лошадь потеряла подковку: оттого она поскользнулась, спотыкнулась и зашибла ногу. Что мудрёного, что она не может бежать? Она, бедная, что шагнёт, то ей больно: тут не побежишь. А ты знаешь, что тебе надо будет платить за её лечение, за подковку, да ещё хозяин тебя будет бранить. Так тебе хочется во что бы то ни стало выручить деньги, навести, как ты говоришь; теперь же благо праздник, езды много, платят дорого... Да бедная-то лошадка в чём виновата? Виноватый-то ты, глупый мальчик: зачем ты не смотрел за нею, зачем не видал, когда она потеряла подковку?

Но он не слушает нас, он уже далеко. Вон он на Неве и всё погоняет бедную лошадь, а лошадь всё спотыкается, и что шагнёт, то ей больно. Бедная лошадка! Какое ей мученье!

А ещё ребятишки бегут за санями да смеются и над лошадкой и над извозчиком. А он ещё больше злится и вымещает свою злость на лошадке.

Но скажите, сделайте милость, как не стыдно этому толстому господину, который сидит в санях! Как он не запретит извозчику мучить бедную лошадку! Этот толстый господин завернулся в шубу, нахлобучил на глаза шляпу и сидит сиднем, как ни в чём не бывало.

– А мне что за дело, – бормочет про себя толстый господин, – я спешу на обед. Пусть извозчик убьёт свою лошадь; не моя лошадь, мне что за дело.

Как вы думаете об этом, мои друзья? Будто оттого, что это не его лошадь, так и надобно ему смотреть равнодушно на её мученье?

Бедный Гнедко! Как мне жаль его! Я давно знаю эту лошадку. Я помню, как она была ещё жеребёнком. Тогда, бывало, по весне солнце светит, птички чирикают, роса блестит на лужайках, в воздухе свежо и душисто. Вот Серко пашет землю, а наш жеребёнок бегаёт вокруг матки: то подбежит к ней, то отскочит, пощиплет молодую травку, и опять к матери, и опять брыкнет: весёлая тогда была его жизнь! Вечером возвратится домой: его встретят Ванюша с Дашею, расчешут его коротенькую гривку, вытрут соломкою. Уж как Ванюша с Дашею любили своего жеребёночка! Бывало, вместо того чтобы бегать без всякого дела, они нарвут молодой травки, положат в коробок и кормят своего жеребёночка; на ночь натаскают ему подстилки, да и днём кусочка хлеба не съедят, чтобы не поделиться с своим приятелем. И как жеребёнок-то знал их! Бывало, издали увидит Ванюшу с Дашею, пустится к ним со всех ног, прибежит, остановится и смотрит на них, как собачка. В такой холе подрос наш жеребёночек, выровнялся и стал статною лошадкою. Вот отец Ванюши подумал, подумал, погадал: «Жалко такую лошадь в соху запретить; сведу-ка я её в город, да продам; мне за неё цену двух лошадей дадут». Сказано, сделано: свели Гнедка на Конную, в Петербург, продали извозчику. А уж как плакали Ванюша с Дашею, как они упрашивали извозчика беречь их Гнедка, не заставляя его возить тяжести, не мучить его... Они возвратились домой очень печальные: чего-то им доставало. Отец радовался, что получил за Гнедка хорошие деньги, дети же горько плакали.

Но в этих разговорах мы прошли почти всю набережную... Посмотрите, посмотрите: что это там столпился народ!.. Пойдём. Ах, это наш бедный Гнедко! Посмотрите: он упал и не может больше встать; прохожие помогают извозчику поднять его; они поднимут, он опять упадёт. Как нога у него вспухла! Сам извозчик теперь плачет навзрыд. «Поделом ему», – вы скажете; нет, не говорите этого: он уже сам видит свою вину и уже довольно наказан. Как он покажется на глаза хозяину? Да и что делать теперь с лошадыю? Оставить её на улице нельзя; сама она идти не может; надо нанять другую лошадь с санями и на сани взвалить бедного Гнедка. Но на это нужны деньги, а у извозчика их нет: толстый господин рассердился, зачем лошадь упала, и не заплатил ничего... Бедный Гнедко! Он не может шевельнуться, зарыл голову в снег, тяжело дышит и поводит глазами, как бы требуя помощи. Бедный, он не может даже кричать, потому что лошади не кричат, как бы жестоко ни страдали. «Злой извозчик! Зачем ты так измучил бедного Гнедка?» – Но перестанем упрекать его, хотя он и много виноват, а лучше дадим ему денег, пусть он наймёт товарища свезти Гнедка на квартиру, да прибавим совет: вперёд не ездить на хромо́й лошади и не требовать от больной, чтобы она бежала, как здоровая. На днях пошлём узнать, лучше ли нашей лошадке.

Вообще, друзья мои, грешно мучить бедных животных, которые нам служат для пользы или для удовольствия. Кто мучит животных без всякой нужды, тот дурной человек. Кто мучит лошадь, собаку, тот в состоянии мучить и человека. А иногда это бывает и очень опасно. Вы видели, как иногда дурные ребяташки дразнят на улице собак, кошек, бьют их, привязывают им палки к хвосту; послушайте же, что однажды случилось с такими ребяташками, как они жестоко были наказаны за свою злобную охоту.

Несколько лет тому назад здесь, в Петербурге, на площади, отстала от хозяина маленькая, смирная собачка Шарло: она испугалась, прижалась к стене и не знала, что делать. Тогда окружили её ребяташки; ну дразнить её, ну бить, бросать камнями, таскать за хвост. Они вывели бедную собачку из терпения, она бросилась на них и некоторых укусила. Что же вышло? Собачка осталась здоровою, а ребяташки?.. Вы знаете, что бывает с человеком, когда его укусит бешеная собака? Он получает отвращение к воде, желание укусить и умирает в ужаснейших терзаниях: подумать страшно! Поверите ли? То же случилось и с укушенными ребяташками: они взбесились. Да, мои друзья, этот случай был новым доказательством того, что когда собаку долго дразнят и она, рассердившись, укусит, то её укушение бывает так же опасно, как укушение бешеной собаки. Не мучьте же никакого животного, друзья мои, потому что это грешно и показывает злое сердце, и не мучьте собак, даже в шутку, потому что это и дурно, и опасно.

Городок в табакерке

Папенька поставил на стол табакерку.

– Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка, – сказал он.

Миша был послушный мальчик, тотчас оставил игрушки и подошёл к папеньке. Да уж и было чего посмотреть! Какая прекрасная табакерка! Пестренькая, из черепахи. А что на крышке-то! Ворота, башенки, домик, другой, третий, четвёртый, и счесть нельзя, и все мал мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотые, а листики на них серебряные; а за деревьями встаёт солнышко, и от него розовые лучи расходятся по всему небу.

– Что это за городок? – спросил Миша.

– Это городок Динь-динь, – отвечал папенька и тронул пружинку... И что же? вдруг, невидимо где, заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не мог понять; он ходил и к дверям, – не из другой ли комнаты? И к часам – не в часах ли? и к бюро, и к горке; прислушивался то в том, то в другом месте; смотрел и под стол... Наконец, Миша уверился, что музыка точно играла в табакерке. Он подошёл к ней, смотрит, а из-за деревьев солнышко выходит, крадётся тихонько по небу, а небо и городок всё светлее и светлее; окошки горят ярким огнём и от башенок будто сияние. Вот солнышко перешло через небо на другую сторону, всё ниже да ниже, и, наконец, за пригорком совсем скрылось, и городок потемнел, ставни закрылись, и башенки померкли, только не надолго. Вот затеплилась звёздочка, вот другая, вот и месяц рогатый выглянул из-за деревьев, и в городе стало опять светлее, окошки засеребрились, и от башенок потянулись синеватые лучи.

– Папенька! папенька, нельзя ли войти в этот городок? Как бы мне хотелось!

– Мудрено, мой друг. Этот городок тебе не по росту.

– Ничего, папенька, я такой маленький. Только пустите меня туда, мне так бы хотелось узнать, что там делается...

– Право, мой друг, там и без тебя тесно.

– Да кто же там живёт?

– Кто там живёт? Там живут колокольчики.

С сими словами папенька поднял крышку на табакерке, и что же увидел Миша? И колокольчики, и молоточки, и валик, и колёса. Миша удивился.

– Зачем эти колокольчики? Зачем молоточки? Зачем валик с крючками? – спрашивал Миша у папеньки.

А папенька отвечал:

– Не скажу тебе, Миша. Сам посмотри попристальнее да подумай: авось-либо отгадаешь. Только вот этой пружинки не трогай, а иначе всё изломается.

Папенька вышел, а Миша остался над табакеркой. Вот он сидел над нею, смотрел, смотрел, думал, думал: отчего звенят колокольчики.

Между тем музыка играет да играет; вот всё тише да тише, как будто что-то цепляется за каждую нотку, как будто что-то отталкивает один звук от другого. Вот Миша смотрит: внизу табакерки отворяется дверца и из дверцы выбегает мальчик с золотою головкой и в стальной юбочке, останавливается на пороге и манит к себе Мишу.

Да отчего же, подумал Миша, папенька сказал, что в этом городке и без меня тесно? Нет, видно, в нём живут добрые люди; видите, зовут меня в гости.

– Извольте, с величайшей радостью.

С этими словами Миша побежал к дверце и с удивлением заметил, что дверца ему пришлась точь-в-точь по росту. Как хорошо воспитанный мальчик, он почёл долгом прежде всего обратиться к своему провожатому.

– Позвольте узнать, – сказал Миша, – с кем я имею честь говорить?

– Динь, динь, динь, – отвечал незнакомец. – Я – мальчик-колокольчик, житель этого городка. Мы слышали, что вам очень хочется побывать у нас в гостях, и потому решились просить вас сделать нам честь к нам пожаловать. Динь, динь, динь, динь, динь, динь.

Миша учтиво поклонился; мальчик-колокольчик взял его за руку, и они пошли. Тут Миша заметил, что над ними был свод, сделанный из пёстрой тисненой бумажки с золотыми краями. Перед ними был другой свод, только поменьше; потом третий, ещё меньше; четвёртый, ещё меньше, и так все другие своды, чем дальше, тем меньше, так что в последний, казалось, едва могла пройти головка его провожатого.

– Я вам очень благодарен за ваше приглашение, – сказал ему Миша, – но не знаю, можно ли будет мне им воспользоваться. Правда, здесь я свободно прохожу, но там дальше, посмотрите, какие у вас низенькие своды; там я, позвольте сказать откровенно, там я и ползком не пройду. Я удивляюсь, как и вы под ними проходите...

– Динь, динь, динь, – отвечал мальчик, – пройдем, не беспокойтесь, ступайте только за мною.

Миша послушался. В самом деле, с каждым шагом, казалось, своды поднимались, и наши мальчики всюду свободно проходили; когда же они дошли до последнего свода, тогда мальчик-колокольчик попросил Мишу оглянуться назад. Миша оглянулся и что же он увидел? Теперь тот первый свод, под который он подошёл, входя в дверцы, показался ему маленьким, как будто, пока они шли, свод опустился. Миша был очень удивлён.

– Отчего это? – спросил он своего проводника.

– Динь, динь, динь, – отвечал проводник смеясь, – издали всегда так кажется; видно, вы ни на что вдаль со вниманием не смотрели: вдали всё кажется маленьким, а подойдёшь – большое.

– Да, это правда, – отвечал Миша, – я до сих пор не подумал об этом и оттого вот что со мною случилось: третьего дня я хотел нарисовать, как маменька возле меня играет на фортепьяно, а папенька, на другом конце комнаты, читает книжку. Только этого мне никак не удалось сделать! Тружусь, тружусь, рисую как можно вернее, а всё на бумаге у меня выйдет, что папенька возле маменьки сидит и кресло его возле фортепьяно стоит; а между тем я очень хорошо вижу, что фортепьяно стоит возле меня у окошка, а папенька сидит на другом конце у камина. Маменька мне говорила, что папеньку надобно нарисовать маленьким, но я думал, что маменька шутит, потому что папенька гораздо больше её ростом; но теперь вижу, что маменька правду говорила: папеньку надобно было нарисовать маленьким, потому что он сидел вдалеке: очень вам благодарен за объяснение, очень благодарен.

Мальчик-колокольчик смеялся изо всех сил.

– Динь, динь, динь, как смешно! Динь, динь, динь, как смешно! Не уметь нарисовать папеньку с маменькой! Динь, динь, динь, динь, динь!

Мише показалось досадно, что мальчик-колокольчик над ним так немилосердно насмехается, и он очень вежливо сказал ему:

– Позвольте мне спросить у вас: зачем вы к каждому слову всё говорите: динь, динь, динь!

– Уж у нас поговорка такая, – отвечал мальчик-колокольчик.

– Поговорка? – заметил Миша. – А вот папенька говорит, что нехорошо привыкать к поговоркам.

Мальчик-колокольчик закусил губы и не сказал более ни слова.

Вот перед ними еще дверцы; они отворились, и Миша очутился на улице. Что за улица! Что за городок! Мостовая вымощена перламутром; небо пёстренькое, черепаховое; по небу ходит золотое солнышко; поманишь его – оно с неба сойдёт, вокруг руки обойдёт и опять поднимется. А домики-то стальные, полированные, крытые разноцветными раковинками, и под

каждою крышкою сидит мальчик-колокольчик с золотою головкою, в серебряной юбочке, и много их, много и все мал мала меньше.

– Нет, теперь уж меня не обмануть, – сказал Миша, – это так только мне кажется издали, а колокольчики-то все одинакие.

– Ан вот и неправда, – отвечал провожатый, – колокольчики не одинакие. Если бы мы все были одинакие, то и звенели бы мы все в один голос, один, как другой; а ты слышишь, какие мы песни выводим? Это оттого, что кто из нас побольше, у того и голос потолще; неужели ты и этого не знаешь? Вот видишь ли, Миша, это тебе урок: впредь не смейся над теми, у которых поговорка дурная; иной и с поговоркою, а больше другого знает и можно от него кое-чему научиться.

Миша в свою очередь закусил язычок.

Между тем их окружили мальчики-колокольчики, теребили Мишу за платье, звенели, прыгали, бегали.

– Весело вы живёте, – сказал Миша, – век бы с вами остался; целый день вы ничего не делаете; у вас ни уроков, ни учителей, да ещё и музыка целый день.

– Динь, динь, динь! – закричали колокольчики. – Уж нашёл у нас веселье! Нет, Миша, плохое нам житьё. Правда, уроков у нас нет, да что же в том толку. Мы бы уроков не побоялись. Вся наша беда именно в том, что у нас, бедных, никакого нет дела; нет у нас ни книжек, ни картинок; нет ни папеньки, ни маменьки; нечем заняться; целый день играй да играй, а ведь это, Миша, очень, очень скучно! Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко, и золотые деревья, но мы, бедные, мы насмотрелись на них вдоволь, и всё это очень нам надоело; из городка мы ни пяди, а ты можешь себе вообразить, каково целый век, ничего не делая, просидеть в табакерке с музыкой.

– Да, – отвечал Миша, – вы говорите правду. Это и со мною случается: когда после ученья примешься за игрушки, то так весело; а когда в праздник целый день всё играешь да играешь, то к вечеру и сделается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься – всё не мило. Я долго не понимал, отчего это, а теперь понимаю.

– Да сверх того на нас есть другая беда, Миша: у нас есть дядьки.

– Какие же дядьки? – спросил Миша.

– Дядьки-молоточки, – отвечали колокольчики, – уж какие злые! То и дело, что ходят по городу да нас постукивают. Которые побольше, тем ещё реже тук-тук бывает, а уж маленьким куда больно достаётся.

В самом деле, Миша увидел, что по улице ходили какие-то господа на тоненьких ножках, с предлинными носами и шипели между собою: тук, тук, тук! тук, тук, тук! Поднимай, задевай. Тук, тук, тук! Тук, тук, тук!

И в самом деле, дядьки-молоточки беспрестанно то по тому, то по другому колокольчику тук да тук, индо бедному Мише жалко стало. Он подошёл к этим господам, очень вежливо поклонился и с добродушием спросил: зачем они без всякого сожаления колотят бедных мальчиков?

А молоточки ему в ответ:

– Прочь ступай, не мешай! Там в палате и в халате надзиратель лежит и стучать нам велит. Всё ворочается, прицепляется. Тук, тук, тук! Тук, тук, тук!

– Какой это у вас надзиратель? – спросил Миша у колокольчиков.

– А это господин Валик, – зазвенели они, – предобрый человек – день и ночь с дивана не сходит. На него мы не можем пожаловаться.

Миша к надзирателю. Смотрит, – он в самом деле лежит на диване, в халате и с боку на бок переворачивается, только всё лицом кверху. А по халату-то у него шпильки, крючочки, видимо-невидимо, только что попадётся ему молоток, он его крючком сперва зацепит, потом опустит, а молоточек-то и стукнет по колокольчику.

Только что Миша к нему подошёл, как надзиратель закричал:

– Шуры-муры! Кто здесь ходит? Кто здесь бродит? Шуры-муры, кто прочь не идёт? Кто мне спать не даёт? Шуры-муры! Шуры-муры!

– Это я, – храбро отвечал Миша, – я – Миша...

– А что тебе надобно? – спросил надзиратель.

– Да мне жаль бедных мальчиков-колокольчиков, они все такие умные, такие добрые, такие музыканты, а по вашему приказанию дядьки их беспрестанно постукивают...

– А мне какое дело, шуры-муры! Не я здесь набольший. Пусть себе дядьки стучают мальчиков! Мне что за дело! Я надзиратель добрый, всё на диване лежу и ни за кем не гляжу... Шуры-муры, шуры-муры...

– Ну, многому же я научился в этом городке! – сказал про себя Миша. – Вот ещё иногда мне бывает досадно, зачем надзиратель с меня глаз не спускает! «Экой злой, – думаю я. – Ведь он не папенька и не маменька. Что ему за дело, что я шалю? Знал бы, сидел в своей комнате». Нет, теперь вижу, что бывает с бедными мальчиками, когда за ними никто не смотрит.

Между тем Миша пошёл далее – и остановился. Смотрит – золотой шатёр с жемчужной бахромой, наверху золотой флюгер вертится, будто ветряная мельница, а под шатром лежит царевна-пружинка и, как змейка, то свернётся, то развернётся и беспрестанно надзирателя под бок толкает. Миша этому очень удивился и сказал ей:

– Сударыня-царевна! Зачем вы надзирателя под бок толкаете?

– Зиц, зиц, зиц, – отвечала царевна, – глупый ты мальчик, неразумный мальчик! На всё смотришь – ничего не видишь! Кабы я валик не толкала, валик бы не вертелся; кабы валик не вертелся, то он за молоточки бы не цеплялся, кабы за молоточки не цеплялся, молоточки бы не стучали, колокольчики бы не звенели; кабы колокольчики не звенели, и музыки бы не было! Зиц, зиц, зиц!

Мише хотелось узнать, правду ли говорит царевна. Он наклонился и прижал её пальчиком – и что же? В одно мгновенье пружинка с силою развилась, валик сильно завертелся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень, и вдруг пружинка лопнула. Всё умолкло, валик остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались. Тогда Миша вспомнил, что папенька не приказывал ему трогать пружинки, испугался и... проснулся.

– Что во сне видел, Миша? – спросил папенька.

Миша долго не мог опаматоваться. Смотрит: та же папенькина комната, та же перед ним табакерка; возле него сидят папенька и маменька и смеются.

– Где же мальчик-колокольчик? Где дядька-молоточек? Где царевна-пружинка? – спрашивал Миша. – Так это был сон?

– Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здесь порядочно вздремнул. Расскажи-ка нам по крайней мере, что тебе приснилось?

– Да, видите, папенька, – сказал Миша, протирая глазки, – мне всё хотелось узнать, отчего музыка в табакерке играет; вот я принялся на неё прилежно смотреть и разбирать, что в ней движется и отчего движется; думал-думал и стал уже добираться, как вдруг, смотрю, дверца в табакерке растворилась... – Тут Миша рассказал весь свой сон по порядку.

– Ну, теперь вижу, – сказал папенька, – что ты в самом деле почти понял, отчего музыка в табакерке играет; но ты ещё лучше поймёшь, когда будешь учиться механике.

Житель Афонской горы

На Афонской горе жил учёный, благочестивый муж. Смолоду он научился разным наукам, знал целебную силу трав и кореньев. Часто он ходил по хижинам бедных людей, лечил больных, утешал умирающих. И были ему от всех любовь и почёт.

Однажды ту страну посетила страшная зараза – чума моровая. Люди заболевали, и многие умирали; во всех хижинах были больные, и отовсюду посылали за добрым и учёным лекарем, чтобы пришёл он утешить и помочь страждущим.

Без устали ходил по больным добрый лекарь и раздавал лекарства. Иногда, когда мог захватить болезнь вовремя, он вылечивал; но чаще беспечные люди присылали за лекарем тогда, когда уже больной был при последнем издыхании, когда уж никакие лекарства помочь не могут, а неразумные люди упрекали и бранили доброго лекаря, как будто он был виноват в их беспечности.

Эти упрёки оскорбляли доброго лекаря; изнемог он и от усталости, и пришло ему на мысль:

– Зачем тружусь я для людей, да ещё неблагодарных? Зачем я жертвую собою для неразумных, которые не считают, кому я помог моим лекарством, а только жалуются, что я не вылечиваю полумёртвых? Зачем я подвергаю себя опасности заразиться от больных, мне вовсе чужих? Останусь я спокойно на горе; чума сюда не заходит, а там внизу пусть заболевают неразумные; мне дела нет: их вина!

С этими мыслями он пошёл на гору. Вдруг видит он, невдалеке растёт прекрасный цветок, и такой он красивый, и такой от него запах.

– Вот, – подумал лекарь, – и цветок меня тому же научает: растёт он здесь на горе, красуется, и ни до кого ему нет дела; ему здесь хорошо, ветерок повеваёт, солнышко греет, роса обливает, и растёт он здесь никому другому, а только себе на радость. Так буду и я жить, думать только о себе, а о других не заботиться.

Между тем он наклонился над цветком, чтобы лучше разглядеть. Смотрит: внутри цветка – мёртвая пчела. Собирая мёд и цветочную пыль, она ослабела, прилипла к цветку и замерла. Лекарь посмотрел, подумал, и краска стыда выступила у него на лице.

– Боже! – сказал он, – прости моему унынию и неразумию! По Твоей воле набрёл я на этот цветок, чтобы простое насекомое пристыдило меня. Для кого трудилась эта пчела, для кого собирала мёд? Не для себя, а для других. Так же, как и мне, ей никто не скажет спасибо; так же, как и меня, её всякий гнал, а между тем она всё трудилась и на труд свою жизнь положила. Прости, Господи, моему унынию и неразумию. Умудри и меня, как ты умудрил пчелу-медоносицу!

И снова начал лекарь собирать целебные травы, и снова до пота лица стал ходить по хижинам и помогать больным, утешать умирающих.

Мороз Иванович

*Нам даром, без труда ничего не достается, –
Недаром исстари пословица ведётся.*

В одном доме жили две девочки: Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка. Рукодельница была умная девочка, рано вставала, сама без нянюшки одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодезь за водой ходила. А Ленивица между тем в постельке лежала; уж давно к обедне звонят, а она ещё всё потягивается: с боку на бок переваливается; уж разве наскучит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень мне чулочки, нянюшка, завяжи башмачки»; а потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?» Встанет, попрыгает, да и сядет к окошку мух считать, сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться; ей бы в постельку – да спать не хочется; ей бы покушать – да есть не хочется; ей бы к окошку мух считать – да и то надоело; сидит горемычная и плачет да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты.

Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальёт; да ещё какая затейница: коли вода нечиста, так свернёт лист бумаги, наложит в неё угольков да песку крупного насыпет, вставит ту бумагу в кувшин да нальёт в неё воды, а вода-то знай проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки шить да кроить да ещё рукодельную песенку затынет; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, тут, смотришь, и вечер, – день прошёл.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: пошла она на колодезь за водой, опустила ведро на верёвке, а веревка-то и оборвись, упало ведро в колодезь. Как тут быть? Расплакалась бедная Рукодельница да и пошла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье, а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, говорит:

– Сама беду сделала, сама и поправляй. Сама ведёрко утопила, сама и доставай.

Нечего делать было; пошла бедная Рукодельница опять к колодезю, ухватилась за верёвку и спустилась по ней к самому дну.

Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась – смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

– Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмёт, тот со мной и пойдёт.

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху.

Идет она дальше. Перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят:

– Мы, яблочки, наливные, созрелые, корнем дерева питались, студёной водой обмывались; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идет дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-седой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; тряхнёт головой – от волос иней сыплется, духом дохнёт – валит густой пар.

– А! – сказал он, – здорово, Рукодельница; спасибо, что ты мне пирожок принесла: давным-давно уж я ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

– Знаю я, зачем ты пришла, – говорил Мороз Иванович, – ты ведро в мой студенец опустила; отдать тебе ведро отдам, только ты мне за то три дня прослужи; будешь умна, тебе ж лучше; будешь ленива, тебе ж хуже. А теперь, – прибавил Мороз Иванович, – мне, старику, и отдохнуть пора; поди-ка приготовь мне постель, да смотри взбей хорошенько перину.

Рукодельница послушалась... Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был из льду: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам убрано снежными звёздочками; солнышко на них сияло, и всё в доме блестело как бриллианты. На постели у Мороза Ивановича вместо перины лежал снег пушистый; холодно, а делать было нечего. Рукодельница принялась взбивать снег, чтобы старику было мягче спать, а меж тем у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели, как у бедных людей, что зимой в проруби бельё полощут; и холодно, и ветер в лицо, и бельё замерзает, колом стоит, а делать нечего – работают бедные люди.

– Ничего, – сказал Мороз Иванович, – только снегом пальцы потри, так и отойдут, не отзнобишь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки.

Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периною пробивается зелёная травка. Рукодельнице стало жаль бедной травки.

– Вот ты говоришь, – сказала она, – что ты старик добрый, а зачем ты зелёную травку под снежной периной держишь, на свет Божий не выпускаешь?

– Не выпускаю, потому что ещё не время; ещё трава в силу не вошла. Добрый мужичок её осенью посеял, она и взошла, и кабы вытянулась она, то зима бы её захватила и к лету травка бы не вызрела. Вот я, – продолжал Мороз Иванович, – и прикрыл молодую зелень моею снежною периной, да еще сам прилёг на неё, чтобы снег ветром не разнесло, а вот придёт весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выглянет и зерно, а зерно мужик соберёт да на мельницу отвезёт; мельник зерно смелет, и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечёшь.

– Ну, а скажи мне, Мороз Иванович, – сказала Рукодельница, – зачем ты в колодце-то сидишь?

– Я затем в колодце сижу, что весна подходит, – сказал Мороз Иванович. – Мне жарко становится; а ты знаешь, что и летом в колодце холодно бывает, от того и вода в колодце студёная, хоть посреди самого жаркого лета.

– А зачем ты, Мороз Иванович, – спросила Рукодельница, – зимой по улицам ходишь да в окошки стучишься?

– А я затем в окошки стучусь, – отвечал Мороз Иванович, – чтоб не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то, ведь я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить истопят, а трубу закрыть не закроют или и закрыть закроют, да не вовремя, когда еще не все угольки прогорели, а оттого в горнице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть от угара можно. А затем ещё я в окошко стучусь, чтобы люди не забывали, что они в тёплой горнице сидят или надевают тёплую шубку, а что есть на свете нищенские, которым зимою холодно, у которых нету шубки, да и дров купить не на что; вот я затем в окошко стучусь, чтобы люди нищенским помогать не забывали.

Тут добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке да и лёг почивать на свою снежную постельку.

Рукодельница меж тем всё в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготавила, платье у старика починила, бельё выштопала.

Старичок проснулся; был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу. Потом сели они обедать; стол был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготовил.

Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целые три дня.

На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице:

– Спасибо тебе, умная ты девочка; хорошо ты старика, меня, утетила, но я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделье деньги получают, так вот тебе твоё ведёрко, а в ведёрко я всыпал целую горсть серебряных пяточков; да сверх того, вот тебе, на память, бриллиантик – косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, приколола бриллиантик, взяла ведёрко, пошла опять к колодцу, ухватилась за верёвку и вышла на свет божий.

Только что она стала подходить к дому, как петух, которого она всегда кормила, увидел её, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

Кукуреку? кукуреки?!

У Рукодельницы в ведёрке пятаки!

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала всё, что с ней было, нянюшка очень дивовалась, а потом примолвила:

– Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделье получают. Поди-ка к старичку да послужи ему, поработай: в комнате у него прибирай, на кухне готовь, платье чини да бельё штопай, так и ты горсть пяточков заработаешь, а оно будет кстати: у нас к празднику денег мало.

Ленивице очень не по вкусу было идти к старику работать. Но пяточки ей получить хотелось и бриллиантовую булавочку тоже.

Вот, по примеру Рукодельницы, Ленивица пошла к колодцу, схватилась за верёвку, да и бух прямо ко дну.

Смотрит: и перед ней печка, а в печке сидит пирожок такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

– Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня возьмёт, тот со мной и пойдёт!

А Ленивица ему в ответ:

– Да, как же не так! Мне себя утомлять, лопатку поднимать да в печку тянуться; захочешь, сам выскочишь.

Идёт она далее, перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят да промеж себя говорят:

– Мы, яблочки, наливные, созрелые; корнем дерева питаемся, студёной росой обмываемся; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

– Да, как бы не так! – отвечала Ленивица, – мне себя утомлять, ручки подымать, за сучья тянуть, успею набрать, как сами попадают!

И прошла Ленивица мимо их. Вот дошла она до Мороза Ивановича. Старик по-прежнему сидел на ледяной скамеечке да снежные комочки покусывал.

– Что тебе надобно, девочка? – спросил он.

– Пришла я к тебе, – отвечала Ленивица, – послужить да за работу получить.

– Дельно ты сказала, девочка, – отвечал старик, – за работу деньга следует; только посмотрим – какова ещё твоя работа будет. Поди-ка взбей мою перину, а потом кушанье изготавь, да платье моё повычини, да бельё повыштопай.

Пошла Ленивица, а дорогой думает:

«Стану я себя утомлять да пальцы знобить! Авось старик не заметит и на невзбитой перине уснёт».

Старик в самом деле не заметил или прикинулся, что не заметил, лёг в постель и заснул, а Ленивица пошла на кухню.

Пришла на кухню, да и не знает, что делать. Кушать-то она любила, а подумать, как готовилось кушанье, это ей и в голову не приходило; да и лень было ей посмотреть.

Вот она огляделась: лежит перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус, и горчица, и квас, всё по порядку. Вот она думала, думала, кое-как зелень обчистила, мясо и рыбу разрежала, да чтоб большого труда себе не давать, то, как всё было, мытое-немытое, так и положила в кастрюлю: и зелень, и мясо, и рыбу, и горчицу, и уксус да ещё квасу подлила, а сама думает: «Зачем себя трудить, каждую вещь особо варить? Ведь в желудке всё вместе будет».

Вот старик проснулся, просит обедать. Ленивица притащила ему кастрюлю, как есть, даже скатерть не подостлала. Мороз Иванович попробовал, поморщился, а песок так и захрустел у него на зубах.

– Хорошо ты готовишь, – заметил он, улыбаясь. – Посмотрим, какова твоя другая работа будет.

Ленивица отведала, да тотчас и выплюнула, индо ей стошнило; а старик покряхтел, покряхтел, да принялся сам готовить кушанье и сделал обед на славу, так что Ленивица пальчики облизала, кушая чужую стряпню.

После обеда старик опять лёг отдохнуть, да припомнил Ленивице, что у него платье не починено да и бельё не выштопано.

Ленивица понадулась, а делать было нечего: принялась платье и бельё разбирать; да и тут беда: платье и бельё Ленивица нашивала, а как его шьют, о том и не спрашивала; взяла было иголку, да с непривычки укололась; так ее и бросила.

А старик опять будто бы ничего не заметил, ужинать Ленивицу позвал да ещё спать её уложил.

А Ленивице-то и любо; думает себе:

«Авось и так пройдет. Вольно было сестрице на себя труд принимать: старик добрый, он мне и так задаром пяточков подарит».

На третий день приходит Ленивица и просит Мороза Ивановича её домой отпустить да за работу наградить.

– Да какая же была твоя работа? – спросил старичок. – Уж коли на правду дело пошло, так ты мне должна заплатить, потому что не ты для меня работала, а я тебе служил.

– Да, как же! – отвечала Ленивица, – я ведь у тебя целые три дня жила.

– Знаешь, голубушка, – отвечал старичок, – что я тебе скажу: жить и служить разница, да и работа работе розь. Заметь это: вперёд пригодится. Но, впрочем, если тебя совесть не зазрит, я тебя награжу: и какова твоя работа, такова будет тебе и награда.

С сими словами Мороз Иванович дал Ленивице пребольшой серебряный слиток, а в другую руку пребольшой бриллиант. Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, домой побежала.

Пришла домой и хвастается:

– Вот, – говорит, – что я заработала: не сестре чета, не горсточку пяточков да не маленький бриллиантик, а целый слиток серебряный, вишь какой тяжёлый, да и бриллиант-то чуть не с кулак... Уж на это можно к празднику обнову купить...

Не успела она договорить, как серебряный слиток растаял и полился на пол; он был не иное что, как ртуть, которая застыла от сильного холода; в то же время начал таять и бриллиант, а петух вскочил на забор и громко закричал:

Кукуреку́ кукуреку́лька!

У Ленивицы в руках ледяная сосулька.

А вы, детушки, думайте, гадайте: что здесь правда, что неправда; что сказано впрямь, что стороною; что шулки ради, что в наставленье, а что намёком. Да и то смекните, что не за всякий труд и добро награда бывает; а бывает награда ненароком, потому что труд и добро сами по себе хороши и ко всякому делу пригодны; так уж Богом устроено. Сами только чужого добра да и труда без награды не оставляйте, а покамест от вас награда – ученье да послушанье.

Меж тем и старого дедушку Иринея не забывайте, а он для вас много рассказней наготовил; дайте только старику о весне с силами да с здоровьем собраться.

О четырёх глухих

*Посвящается маленьким Графиням Екатерине и Александре
Коссоковским*

Возьмите карту Азии, отсчитайте параллельные линии от Экватора к Северному, или Арктическому полюсу (т. е. в широту) начиная с 8-го градуса по 35-й и от Парижского меридиана по Экватору (или в долготу) начиная с 65-го по 90-й; между линиями, проведёнными на карте по этим градусам, вы найдёте в знойном полюсе под тропиком Рака остроконечную полосу, выдающуюся в Индейское море: эта земля называется Индию, или Индостаном, и также называют её Восточною или Большою Индию, что не смешать с тою землёю, которая находится на противоположной стороне полушария и называется Западною, или Малою Индию. К Восточной Индии принадлежит также остров Цейлон, на котором, как вы, верно, знаете, много жемчужных раковин. В этой земле живут Индийцы, которые разделяются на разные племена, точно так же, как мы, русские, имеем племена Великороссов, Малороссиян, поляков и проч. Из этой земли привозят в Европу разные вещи, которые каждый день вами употребляются: хлопчатую бумагу, из неё делают вату, которою подбивают ваши тёплые капоты; заметьте, что хлопчатая бумага растёт на дереве; чёрные шарики, которые иногда попадают в вату, суть не что иное, как семена этого растения, сарагинское пшено, из которого варят кашу и которым для вас настаивают воду, когда вы нездоровы; сахар, с которым вы кушаете чай; селитру, от которой загорается трут, когда высекают огонь из кремня стальною дощечкою; перец, эти кругленькие шарики, которые толкут в порошок, очень горькие и которых вам маменька не даёт, потому что перец нездоров для детей; сандаловое дерево, которым красят разные материи в красную краску; индиго, которым красят в синюю краску, корицу, которая так хорошо пахнет: это корка с дерева; шёлк, из которого делают тафту, атлас, блонды; насекомых, называемых кошенилью, из которых делают превосходную пурпуровую краску; драгоценные камни, которые вы видите в серьгах у вашей маменьки, тигровую кожу, которая лежит у вас, вместо ковра, в гостиной. Все эти вещи привозятся из Индии. Эта страна, как видите, очень богата, только в ней очень жарко. Большею частию Индии владеют английские купцы, или так называемая Ост-Индская компания. Она торгует всеми этими предметами, о которых мы выше сказали, потому что сами жители очень ленивы: большая часть из них веруют в божество, которое известно под названием Тримурти и разделяется на трёх богов: Брахму, Вишну и Шивана. Брахма самый главный из богов, а потому и жрецы носят название браминов. Для этих божеств у них построены храмы, очень странной, но красивой архитектуры, которые называются пагодами и которые вы, верно, видали на картинках, а если не видали, то посмотрите. — Индийцы очень любят сказки, повести и рассказы всякого рода. На их древнем языке, на санскритском (который, заметьте, похож на наш русский), написано много прекрасных стихотворных сочинений; но этот язык теперь для большей части индийцев непонятен: они говорят другими, новыми наречиями. Вот одна из новейших сказок этого народа; Европейцы подслушали её и перевели, а я расскажу её вам, как умею; она очень смешна, и по ней вы получите некоторое понятие об индийских нравах и обычаях.

Невдалеке от деревни пастух пас овец. Было уже за полдень, и бедный пастух очень проголодался. Правда, он, выходя из дому, велел своей жене принести себе в поле позавтракать, но жена, как будто нарочно, не приходила.

Приздумался бедный пастух: идти домой нельзя – как оставить стадо? Того и гляди, что раскрадут; остаться на месте – ещё хуже: голод замучит. Вот он посмотрел туда, сюда, видит – тальяри косит траву для своей коровы. Пастух подошёл к нему и сказал:

– Одолжи, любезный друг: посмотри, чтобы моё стадо не разбрелось. Я только схожу домой позавтракать, а как позавтракаю, тотчас возвращусь и щедро награжу тебя за твою услугу.

Кажется, пастух поступил очень благоразумно; да и действительно он был малый умный и осторожный. Одно в нём было худо: он был глух, да так глух, что пушечный выстрел над ухом не заставил бы его оглянуться; а что всего хуже: он и говорил-то с глухим.

Тальяри слышал ничуть не лучше пастуха, и потому немудрено, что из пастуховой речи он не понял ни слова. Ему показалось, напротив, что пастух хочет отнять у него траву, и он закричал с сердцем:

– Да что тебе за дело до моей травы? Не ты её косил, а я. Не подыхать же с голоду моей корове, чтобы твоё стадо было сыто? Что ни говори, а я не отдам этой травы. Убирайся прочь!

При этих словах тальяри в гневе потряс рукою, а пастух подумал, что он обещается защищать его стадо, и, успокоенный, поспешил домой, намереваясь задать жене своей хорошую головомойку, чтоб она впредь не забывала приносить ему завтрак.

Подходит пастух к своему дому – смотрит: жена его лежит на пороге, плачет и жалуется. Надобно вам сказать, что вчера на ночь она неосторожно покушала, да говорят ещё – сырого горошку, а вы знаете, что сырой горошек во рту слаще мёда, а в желудке тяжелей свинца.

Наш добрый пастух постарался, как умел, помочь своей жене, уложил её в постель и дал горькое лекарство, от которого ей стало лучше. Между тем он не забыл и позавтракать. За всеми этими хлопотами ушло много времени, и на душе у бедного пастуха стало беспокойно. «Что-то делается со стадом? Долго ли до беды!» – думал пастух. Он поспешил воротиться и, к великой своей радости, скоро увидел, что его стадо спокойно пасётся на том же месте, где он его оставил. Однако же, как человек благоразумный, он пересчитал всех своих овец. Их было ровно столько же, сколько перед его уходом, и он с облегчением сказал самому себе: «Честный человек этот тальяри! Надо наградить его».

В стаде у пастуха была молодая овца: правда, хромая, но прекрасно откормленная. Пастух взвалил её на плечи, подошёл к тальяри и сказал ему:

– Спасибо тебе, господин тальяри, что поберёг моё стадо! Вот тебе целая овца за твои труды.

Тальяри, разумеется, ничего не понял из того, что сказал ему пастух, но, видя хромую овцу, вскричал с сердцем:

– А мне что за дело, что она хромает! Откуда мне знать, кто её изувечил? Я и не подходил к твоему стаду. Что мне за дело?

– Правда, она хромает, – продолжал пастух, не слыша тальяри, – но всё-таки это славная овца – и молода и жирна. Возьми её, зажарь и скушай за моё здоровье с твоими приятелями.

– Отойдешь ли ты от меня наконец! – закричал тальяри вне себя от гнева. – Я тебе ещё раз говорю, что я не ломал ног у твоей овцы и к стаду твоему не только не подходил, а даже и не смотрел на него.

Но так как пастух, не понимая его, всё ещё держал перед ним хромую овцу, расхваливая её на все лады, то тальяри не вытерпел и замахнулся на него кулаком.

Пастух, в свою очередь, рассердившись, приготовился к горячей обороне, и они, верно, подрались бы, если бы их не остановил какой-то человек, проезжавший мимо верхом на лошади.

Надо вам сказать, что у индийцев существует обычай, когда они заспорят о чём-нибудь, просить первого встречного рассудить их.

Вот пастух и тальяри и ухватились, каждый со своей стороны, за узду лошади, чтоб остановить верхового.

– Сделайте милость, – сказал всаднику пастух, – остановитесь на минуту и рассудите: кто из нас прав и кто виноват? Я дарю этому человеку овцу из моего стада в благодарность за его услуги, а он в благодарность за мой подарок чуть не прибил меня.

– Сделайте милость, – сказал тальяри, – остановитесь на минуту и рассудите: кто из нас прав и кто виноват? Этот злой пастух обвиняет меня в том, что я изувечил его овцу, когда я и не подходил к его стаду.

К несчастью, выбранный ими судья был также глух и даже, говорят, больше, нежели они оба вместе. Он сделал знак рукою, чтобы они замолчали, и сказал:

– Я вам должен признаться, что эта лошадь точно не моя: я нашёл её на дороге, и так как я очень тороплюсь в город по важному делу, – то, чтобы скорее поспеть, я и решился сесть на неё. Если она ваша, возьмите её; если же нет, то отпустите меня поскорее: мне некогда здесь дольше оставаться.

Пастух и тальяри ничего не расслышали, но каждый почему-то вообразил, что ездок решает дело не в его пользу.

Оба они ещё громче стали кричать и браниться, упрекая в несправедливости избранного ими посредника.

В это время по дороге проходил старый брамин.

Все три спорщика бросились к нему и стали наперебой рассказывать своё дело. Но брамин был так же глух, как они.

– Понимаю! Понимаю! – отвечал он им. – Она послала вас упросить меня, чтоб я воротился домой (брамин говорил про свою жену). Но это вам не удастся. Знаете ли вы, что во всём мире нет никого сварливее этой женщины? С тех пор как я на ней женился, она меня заставила наделать столько грехов, что мне не смыть их даже в священных водах реки Ганга. Лучше я буду питаться милостынею и проведу остальные дни мои в чужом краю. Я решился твёрдо; и все ваши уговоры не заставят меня переменить моего намерения и снова согласиться жить в одном доме с такою злою женою.

Шум поднялся больше прежнего; все вместе кричали изо всех сил, не понимая один другого. Между тем тот, который украл лошадь, завидя издали бегущих людей, принял их за хозяев украденной лошади, проворно соскочил с неё и убежал.

Пастух, заметив, что уже становится поздно и что стадо его совсем разбредось, поспешил собрать своих овечек и погнал их в деревню, горько жалуясь, что нет на земле справедливости, и приписывая все огорчения нынешнего дня змее, которая переползла через дорогу в то время, когда он выходил из дому, – у индийцев есть такая примета.

Тальяри возвратился к своей накошенной траве и, найдя там жирную овцу, невинную причину спора, взвалил её на плечи и понёс к себе, думая тем наказать пастуха за все обиды.

Брамин добрался до ближней деревни, где и остановился ночевать. Голод и усталость несколько утешили его гнев. А на другой день пришли приятели и родственники и уговорили бедного брамина воротиться домой, обещая усовестить его сварливую жену и сделать её послушнее и смирнее.

Знаете ли, друзья, что может прийти в голову, когда прочитаешь эту сказку? Кажется, вот что: на свете бывают люди, большие и малые, которые хотя и не глухи, а не лучше глухих: что говоришь им – не слушают; в чём уверяешь – не понимают; сойдутся вместе – заспорят, сами не зная о чём. Ссорятся они без причины, обижаются без обиды, а сами жалуются на людей, на судьбу или приписывают своё несчастье нелепым приметам – просыпанной соли,

разбитому зеркалу. Так, например, один мой приятель никогда не слушал того, что учитель говорил ему в классе, и сидел на скамейке словно глухой. Что же вышло? Он вырос дурак дураком: за что ни примется, ничто ему не удаётся. Умные люди об нём жалеют, хитрые его обманывают, а он, видите ли, жалуется на судьбу, что будто бы несчастливым родился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.